

**А.П. Валуева**

**Севастополь и его славное  
прошлое**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
А11

A11      **А.П. Валуева**  
Севастополь и его славное прошлое / А.П. Валуева – М.: Книга по Требованию, 2020. – 191 с.

**ISBN 978-5-458-55526-5**

Книга написана к 50-ти летию Крымской войны, когда ещё были живы некоторые участники обороны Севастополя. Хорошо, интересно и доступным языком описан ход 349-ти дневной героической обороны Севастополя. Приведены интересные факты не только боевой, но и повседневной жизни защитников города, взаимоотношения защитников города с французскими солдатами.

**ISBN 978-5-458-55526-5**

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ПРЕДИСЛОВИЕ.

---

«Иди въ градъ сей, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу, пади тамъ ницъ—хъсто бо сіе свято есть!»

Иннокентій.—Изъ рѣчи къ войскамъ. 1855 г. 29 іюня.

Трудно выразить то скорбно-благоговѣйное чувство, которое охватываетъ каждого истинно-русского человѣка при вѣзде въ Севастополь. Кажется, будто приближаешься къ могилѣ кого-то близкаго, любимаго, кого оплакиваешь и кѣмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордишься...

Помню тотъ ясный лѣтній вечеръ, когда судьба впервые закинула меня въ этотъ многострадальный городъ. Это было въ 1883 году, слѣдовательно 28 лѣтъ спустя послѣ знаменитой осады Севастополя. Несмотря на эти долгіе годы, городъ стоялъ еще на три четверти въ развалинахъ, какъ будто враги только лишь вчера прекратили свою безпощадную по немъ бомбардировку. Среди остатковъ строеній, изъ которыхъ многія носили еще слѣды прежней красоты и изящества,—не даромъ же считался Севастополь столицею черноморскаго побережья, однимъ изъ лучшихъ русскихъ городовъ,—ютились заурядные провинціальные домики современныхъ владѣльцевъ, по большей части разоренныхъ осадою. Величественная развалины Морской библіотеки, Петропавловская церковь съ ея классическою колоннадою, обветшавшая, но все-таки прелестная Граф-

ская пристань,—всѣ эти остатки блестящаго прошлаго навѣвали на душу невыразимо-грустное чувство.

А «равнодушная природа» продолжала «сиять вѣчною красою». Дивно-прекрасное, лазурное море, глубоко врѣзывающееся въ севастопольскіе берега, имѣло такой же торжествующій видъ, какъ и въ тѣ времена, когда на волнахъ его гордо раскачивался нашъ славный, горько оплаканный, нынѣ возводившійся черноморскій флотъ; южное солнце заливало своими лучами бѣдный, полуразрушенный городъ такъ же щедро и любовно, какъ и во дни Корнилова, Нахимова и Лазарева.

Старый матросъ, современникъ Крымской кампаниіи, перевезъ меня на яликѣ на Сѣверную сторону, къ Братскому кладбищу.

Обращаясь съ напутственнымъ словомъ къ войскамъ, идущимъ на защиту Севастополя, 29 іюня 1855 года знаменитый русскій проповѣдникъ Иннокентій сказалъ:

«Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда; нѣть, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: оставь отца, матерь твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по мнѣ! Впредь, поучая паству свою, мнѣ не надо искать далеко примѣровъ добродѣтели; я скажу ей: иди въ градъ сей и поучись у первого встрѣчнаго изъ братій твоихъ, защитниковъ вѣры и мѣстъ, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу... пади тамъ нишь—мѣсто бо сіе свято есть».

Такъ вотъ кѣмъ населено Братское кладбище, и такихъ героевъ тамъ лежитъ до 100,000. Подъ каждымъ изъ высокихъ могильныхъ крестовъ, съ краткою, но многознаменательною надписью «Братская могила», покоятся десятки, сотни борцовъ, павшихъ за вѣру, царя и отечество. А съ ними вмѣстѣ сколько тутъ погребено свѣтлыхъ надеждъ, сколько любви и счастья! Кажется, если-бъ собрать всѣ горькія слезы женъ, сестеръ, матерей, лившіяся тогда по лицу земли русской, затопили бы онѣ эту широкую равнину съ ея безчисленными могильными крестами.

Какое же могучее чувство заставляло лучшихъ русскихъ людей того времени бросать домъ и семью и итти на тяжкіе труды, лишенія, страданія и въ концѣ концовъ почти на вѣрную смерть? «Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія», говорить Левъ Толстой въ своихъ севастопольскихъ разсказахъ. «Должна быть другая высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждого,—любовь къ родинѣ».

Во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательно проходится исторія классического міра. Каждому ученику извѣстны имена и подвиги Леонида спартанскаго, Ганнибала, Мушія Сцеволы, Горация Коклеса и другихъ героевъ древности.\* Подобные примѣры благороднаго патріотизма возвышаютъ духъ юношества, развивають въ немъ любовь къ родинѣ и готовность самоотверженно служить ей.

Но не за 2,000 лѣтъ до нашего времени, а всего лишь полвѣка тому назадъ, и не въ чуждыхъ намъ Греціи и Римѣ, а въ предѣлахъ нашей собственной родины происходила эпопея, ничѣмъ не уступающая персидскимъ и пуническимъ войнамъ. Эта русская эпопея—осада Севастополя, а героемъ ея является весь русскій народъ. И русское юношество, увлекаясь героическимъ періодомъ древности, отдавая должное его славнымъ дѣятелямъ, обязано знать и цѣнить имена своихъ родныхъ героевъ: Корнилова, Нахимова, Тотлебена, Истомина, и событія того труднаго, но славнаго времени, которое еще свѣжо въ воспоминаніи его отцовъ. Какъ не знать ему о первыхъ временахъ осады Севастополя, «когда въ немъ не было укрѣплений, не было войскъ, не было физической возможности удержать его, и всетаки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся не пріятелю», о временахъ, «когда этотъ герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: «умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя», и наши русскіе, не

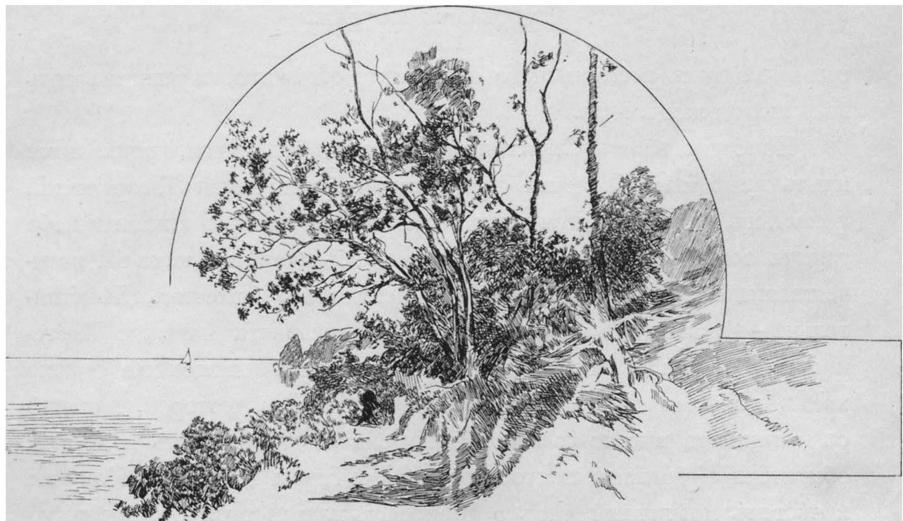
способные къ фразерству, отвѣчали: «умремъ! ура!..» Какъ не цѣнить героевъ, «которые въ тѣ тяжелыя времена не падали, а возвышались духомъ и съ наслажденiemъ готовились къ смерти не за городъ, а за родину!..» <sup>1)</sup>

Итакъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и горячей любви къ отечеству откроемъ эту знаменательную страницу русской истории и познакомимся какъ съ событиями незабвенної обороны Севастополя, такъ и съ тѣми мѣстами, гдѣ они происходили.




---

<sup>1)</sup> Гр. Толстой.—«Севастополь 1854—1855 года».



Мысъ Фіолентъ.

I.

Стародавнія времена.

Времена классической древности.—Ифигенія Таврическая.—Греческія колоніі.—Херсонесъ и его исторія.

На юго-западной оконечности Крыма, на скалистыхъ, известковыхъ берегахъ чудной бухты, по величинѣ и удобствамъ считающейся первою въ Европѣ и третьею въ мірѣ, раскинулся большой, красивый городъ, которому суждено было играть такую знаменательную роль въ исторіи нашей родины. Городъ этотъ—Севастополь.

Исторія мѣстности, занимаемой Севастополемъ и его окрестностями: Херсонесомъ, Георгіевскимъ монастыремъ, Инкерманомъ и Балаклавою, теряется въ туманѣ глубокой старины. Благодатные берега Крыма, съ ихъ мягкимъ, ласкающимъ климатомъ, съ неисчерпаемыми богатствами ихъ роскошной природы, являются единствен-

нымъ уголкомъ всего нашего обширнаго отечества, игравшимъ роль въ классическомъ мірѣ.

Приближаясь къ Севастополю моремъ, отъ Ялты, приходится плыть мимо мыса Фіолента, при которомъ расположень Георгіевскій монастырь. Ясно обрисовывается на темной лазури южнаго неба группа остроконечныхъ, дикихъ скаль, образующихъ какъ-бы величественный жертвеннікъ какого-то невѣдомаго божества. Дѣйствительно—на этомъ мысѣ, носившемъ въ древности название Партеніума, возвышался, по преданію, окруженній священною рощею храмъ дѣвственной богини Артемиды (Діаны), которой, наравнѣ съ изящными, высоко-культурными греками, покланялись и древніе обитатели Крымскаго полуострова, дикіе Тавры (скиѳы). Кому не извѣстенъ поэтичный миѳъ о Ифигеніи, жрицѣ этой богини, вдохновившій столькихъ писателей разныхъ временъ и народовъ, начиная съ знаменитаго греческаго трагика Эвріпіда и кончая царемъ нѣмецкой литературы—Гёте?

Когда греки отправлялись подъ Трою и готовы были уже пуститься въ путь изъ Беотійской гавани Авлиды, предводитель ихъ Агамемнонъ, царь Микенскій, оскорбилъ Артемиду, убивъ на охотѣ посвященную ей лань. За это богиня наслала безвѣтре, и флотъ грековъ не могъ двинуться въ путь. Прорицатель Калхасъ объявилъ, что богиня можетъ быть умилостивлена только принесеніемъ ей въ жертву старшой дочери царя, чистой и непорочной красавицы Ифигеніи,—и Агамемнонъ рѣшился пожертвовать любимою дочерью для блага отечества. Она была вытребована въ лагерь вмѣстѣ съ матерью своею Клитемнестрою подъ предлогомъ обрученія съ Ахилломъ. Когда она прибыла туда, и все уже было готово для жертво-приношенія, Артемида сжалилась надъ нею, покрыла ее густымъ облакомъ и перенесла чрезъ горы и моря въ далекую Тавриду <sup>1)</sup>, въ священную рощу, окружавшую храмъ, воздвигнутый богинѣ на

<sup>1)</sup> Древннее название Крыма.

скалистомъ берегу обитателями этой страны, дикими и суровыми таврами. Король тавровъ Тоасъ милостиво принялъ таинственно появившуюся въ его владѣніяхъ чужеземку и она стала жрицею Діаны. По существовавшему въ Тавридѣ обычаю, всѣ попадавшіе случайно или умышленно въ эту страну чужеземцы были приносимы въ жертву богинѣ. Варварскій обычай этотъ возмущать благородную гречанку; она вступила съ нимъ въ борьбу и, благодаря тому безграничному довѣрію и уваженію, которое съумѣла пріобрѣсти у царя и всего народа, вышла побѣдительницею изъ этой борьбы: человѣческая кровь перестала обагрять алтарь дѣвственной богини; нравы тавровъ смягчились; Ифигенія сдѣлалась благодѣтельницею всего края. Но царь Тоасъ, очарованный прекрасною душою и тѣломъ дѣвушки, возымѣлъ къ ней чувство, сильнѣе обыкновенного уваженія, и предложилъ ей стать его женою. Ужасомъ и горемъ исполнило это предложеніе сердце Ифигеніи: не могла она свыкнуться съ пріютившою ее дикою, хотя и гостепріимною для нея страною, не могла забыть лазурного моря, бѣломраморныхъ храмовъ, шумныхъ и оживленныхъ площадей своей родины, всей душою рвалаась она къ роднымъ мѣстамъ, къ близкимъ людямъ и жила только надеждою рано или поздно возвратиться къ нимъ. Ставь женою Тоаса, царицею тавровъ, она должна была бы сказать навѣкъ прости завѣтному желанію, любимой мечтѣ всей своей жизни, — и она отклонила предложеніе царя подъ тѣмъ предлогомъ, что неудобно ей, жрицѣ Артемиды, измѣнить своему высокому призванію, хотя бы и для царскаго вѣнца. Оскорбленный и разгнѣванный царь отшатнулся тогда отъ нея и перенесъ свой гнѣвъ на всѣ добрыя начинанія Ифигеніи. Человѣческія жертвоприношенія, отмѣненные въ угоду ей, были снова возстановлены, и совершать ихъ должна была сама она, главная жрица богини.

Въ это-то скорбное для Ифигеніи время, приводяще къ ней двухъ молодыхъ чужестранцевъ, захваченныхъ на заповѣдномъ берегу и обреченныхъ на смерть, — и что-же? — Въ нихъ узнаетъ Ифи-

генія единственого своего брата Ореста и неизмѣнного друга его Пилада. Неумолимый рокъ занесъ этихъ юношь къ дикимъ таврамъ. Страшное преступленіе тяготѣло надъ Орестомъ, принадлежавшимъ къ злополучному роду Тантала, въ которомъ въ теченіе пяти поколѣній (Танталъ, Пелопсъ, Феистъ и Атрей, Агамемнонъ и Орестъ) возникали другъ изъ друга самыя ужасныя злодѣянія. Одно убѣйство роковымъ образомъ вызывало другое, и кровь омывалась кровью. Агамемнонъ бытъ убить своею женою Клитемнестрою, мстившей ему за предполагаемое принесеніе въ жертву дочери ихъ Ифигеніи; за смерть Агамемнона отмстилъ Орестъ, убивъ собственную мать. Въ наказаніе за это боги отдали его во власть мрачнымъ исчадіямъ преисподней—Фуріямъ, которыхъ день и ночь терзали больную душу несчастнаго юноши, доводя его до изступленія. Сжалившись надъ нимъ, Аполлонъ обѣщалъ ему прощеніе, если онъ «съ далекихъ береговъ Тавриды привезетъ ему сестру».—Діана или Артемида считалась сестрою Аполлона; грекамъ было известно, что въ Тавридѣ, при мысѣ Партеніумѣ воздвигнутъ ей храмъ; и вотъ Орестъ решается на безумно отважное предпріятіе:—отправиться въ Тавриду и похитить священное извяяніе богини. Его сопровождастъ другъ его Пиладъ, идущій съ нимъ на вѣрную гибель.

Безграницна была радость, но велико и смущеніе Ифигеніи, когда, изъ разсказа Пилада, она узнала, что за чужеземцы находились передъ нею. Могла-ли она занести ножъ надъ любимымъ братомъ? Но, съ другой стороны, могла-ли, для спасенія этого брата, содѣйствовать ему въ похищеніи вѣренного ей священнаго извяянія? Могла-ли она, честная и правдивая, недостойнымъ образомъ обмануть облагодѣтельствовавшаго ее царя? Любовь къ брату и страстное желаніе вернуться на родину настолько сильно охватываютъ ее, что она поддается увѣщаніямъ Пилада и соглашается на обманъ и бѣгство; но въ послѣднюю минуту предъ приведеніемъ въ исполненіе этого замысла, благородная натура ся одержима въ верхъ надъ всѣми остальными чувствами и побужденіями; она открывается

во всемъ царю, взывая къ его великодушію, и растроганный, побѣжденный ея духовною силою тавръ даруетъ свободу обоимъ друзьямъ, отпуская съ ними въ Грецію и саму Ифигенію. Тогда только понимаетъ Орестъ, какую именно «сестру» повелѣть ему вывезти изъ Тавриды Аполлонъ. Исцѣлившійся отъ тяжелаго душевнаго недуга, счастливый возвращается онъ съ Ифигенію на родину, гдѣ послѣдняя остается до конца жизни вѣрною жрицею Діаны.

Такъ передаетъ Гёте этотъ трогательный миѳъ въ своей «Ифигеніи въ Тавридѣ». Обаятельный образъ чистой, правдивой, любящей гречанки какъ-бы витаетъ надъ скалистыми юго-западными берегами Крыма, надъ этимъ православнымъ монастыремъ, возникшимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности проливалась человѣческая кровь на алтаряхъ языческой богини.

«На той скалѣ Діаны храмъ  
 «Хранила дѣвственная жрица,  
 «А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ  
 «Плыла богини колесница...» <sup>1)</sup>

Мы видимъ такимъ образомъ, что историческія воспоминанія Крыма восходятъ до временъ Троянской войны. Но еще ранѣе, задолго до начала мореплаванія у грековъ по Черному морю, или такъ называемому Понту Эвксинскому, ходили финикияне, привлеченные мольбою о золотыхъ розыпяхъ и другихъ богатствахъ далѣкихъ, баснословныхъ восточныхъ странъ. Вслѣдъ за ними и греческіе мореплаватели начали заводить торговыя сношенія съ разноплеменными народами, заселявшими побережье Чернаго моря, и основывали на этомъ побережье цвѣтущія колоніи. Такъ возникла на сѣверо-восточной оконечности Крыма Пантика пея (современная Керчь), гдѣ въ I вѣкѣ до Р. Х. царствовалъ знаменитый Митри-

<sup>1)</sup> Гр. Алексѣй Толстой.—Крымскіе очерки.

датъ. Почти одновременно съ Пантикопею возникла и другая греческая колонія на противоположной, юго-западной оконечности Крыма, въ двухъ верстахъ отъ современного Севастополя. Колонія эта носила название Херсонеса Таврическаго; въ русской-же исторіи она извѣстна подъ именемъ Корсуни, откуда, по выражению Иннокентія, впервые разлилось православіе на родину нашу: въ стѣнахъ этого города принялъ крещеніе равноапостольный князь Владимиръ, а за нимъ крестилась и вся Русь.

Древній Херсонесъ занималъ небольшой мысъ верстахъ въ 2—3-хъ къ юго-западу отъ нынѣшняго Севастополя. Онъ былъ окружень стѣнами, имѣть акрополь и множество храмовъ. Чтобы оградить себя отъ воинственного племени скиѳовъ, обитавшаго въ древности степи южной Россіи, и другихъ нежелательныхъ гостей, жители Херсонеса воздвигли каменную стѣну, около 8 верстъ длиною отъ «Гавани Символовъ» (Палакіона)—нынѣшней Балаклавы, до Ктенунта — Севастопольского залива. Херсониты занимались земледѣліемъ, винодѣліемъ и солевареніемъ на соляномъ озерѣ близъ Ктенунта; они вели торговлю какъ съ греческими городами и колоніями, такъ и съсосѣдними варварскими племенами — скиѳами и таврами. Кромѣ того, древній Херсонесъ служилъ образовательнымъ центромъ; древніе цари посыпали сюда на воспитаніе своихъ дѣтей.

Христіанство утвердилось въ Херсонесѣ при Константинѣ Великомъ. Существуетъ преданіе, что около половины I вѣка по Р. Х. городъ этотъ поѣтилъ св. Андрей Первозванный и божественною проповѣдью своею обратилъ въ христіанство многихъ грековъ-язычниковъ. Лѣтъ 30—40 спустя, сосланный въ заточеніе императоромъ римскимъ Траяномъ св. Климентъ, основавшій впослѣдствіи Инкерманскую киновію (общежитіе), нашелъ здѣсь уже болѣе 2.000 христіанъ и нѣсколько церквей. Есть основаніе думать, что въ Корсуни, этомъ центрѣ образованія того времени, найдены были начатки св. Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ знаменитыми солунскими братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ.